УДК 81’367.625
ББК Ш12/17

ТИПОЛОГИЯ КОНСТРУКЦИЙ С ИНФИНИТИВНЫМИ (НЕФИНИТНЫМИ) КОМПЛЕКСАМИ В ЯЗЫКАХ МИРА

О.С. Вейнгарт

Приведены данные о конструкциях с нефинитными комплексами в разноструктурных языках. Определены основы механизма их формирования и основания типологии данных конструкций в языках мира согласно характеру входящих в них глагольных элементов и падежного маркирования. Исследованы некоторые подходы к трактовке данных явлений синтаксиса в отечественной и зарубежной лингвистике. Установлено, что анализ наблюдаемых конструкций должен быть дополнен диахроническими исследованиями.

Ключевые слова: неличные (нефинитные) формы глагола, инфинитивные конструкции, актантная конфигурация предложения, конструкции с сентенциальными актантами, предикативное склонение, полипредикативность, «свернутые» предикативные структуры.

В отечественной и зарубежной лингвистике на протяжении достаточно долгого времени конструкции с инфинитивными комплексами трактовались согласно принятой в грамматике того или иного языка традиции. Так, во французском языке их принято называть по-латински Nominativus cum infinitivo и Accusativus cum infinitivo, как и существовавшие в латинском языке подобные конструкции. Примерно то же наблюдается в немецком, испанском, итальянском и многих других западноевропейских языках с той лишь разницей, что названия им даются не на латыни, а на соответствующем языке. В русской традиции эти конструкции называют дативными, дательно-винительными, дативоподобными. В английской грамматике их часто называют Complex subject и Complex object. В некоторых грамматиках их принято называть инфинитивными предложениями или инфинитивными оборотами. Все перечисленные названия, по сути, справедливы, т.к. они не только отражают специфичные для каждого языка черты, но и выдвигают на первый план одну из реально существующих особенностей, свойственных в целом данного рода конструкциям вне зависимости от языка: подчеркивается либо наличие нефинитной формы глагола (обычно инфинитива), либо актантная позиция (сложное подлежащее или сложное дополнение), либо падежный маркер, относящийся ко всей свернутой предикативной единице. Нашей задачей является как раз выработка такого подхода, который помог бы объединить данного ро-

да конструкции – порой весьма специфичные, но всегда узнаваемые в языках мира – на качественно новой основе. На данный момент их описания даются разрозненно, более того как нечто аномальное или маргинальное в синтаксисе сложного предложения того или иного языка. Однако, согласно выдвигаемой нами идее, речь идет о действительно универсальных конструкциях, встречаемых в большинстве языков, что делает выработку такой единой основы для их анализа необходимой и актуальной.

Общей особенностью всех предложений с инфинитивными комплексами является их двойственная сущность: они обладают разноуровневой семантикой главной и зависимой части [6] – разная природа денотата модуса и денотата диктума. Под диктумом мы вслед за Ш. Балли [1] подразумеваем представление, воспринятое чувствами, памятью и воображением (инфинитивный комплекс), а под модусом производимую над этим представлением мыслящим субъектом психическую операцию (главное предложение и управляющий глагол). Такая сложная организация возможна только лишь благодаря семантико-синтаксическим свойствам обоих глаголов (как матричного финитного, так и нефинитного), полностью отвечающих за актантную конфигурацию конструкций с инфинитивными (нефинитными) комплексами.

Приведем лишь некоторые примеры подобного рода конструкций с инфинитивными (нефинитными) комплексами в языках мира. Мы взяли первые 15 языков, в грамматиках которых есть устойчивая традиция описания подобных структур. И хотя это не только языки индоевропейской семьи, порой весьма удаленные друг от друга во времени и пространстве, для удобства обозначения исследуемых конструкций мы будем использовать латинские наименования:

Оборот Accusativus cum infinitivo в Евангелие от Луки на греческом языке: δεί ειναί με (Лк 2.49) – букв. Надлежит быть Меня. Оборот с родительным падежом, из Одиссеи Гомера: θεόθεν δ’ούπ έστ’ άλέασθαί – букв. От ниспосылаемого богами не есть убежать. = Но судьбы избежать невозможно.

В латинском языке Accusativus cum infinitivo: Pater videt librum a filio legi. – Отец видит, что книга читается сыном. Pater filio dixit, se erravisse. – Отец сказал сыну, что он (отец) ошибся. Nominativus cum infinitivo: Intellego, me timidum fuisse. – Я понимаю, что я был труслив.

В старославянском языке Nominativus cum infinitivo в паре с дательным падежом, из актов хоз. боярина Морозова: А пахать де было ему та пашня сабою на себя. Nominativus cum infinitivo, в поэзии XVIII века: Два мыса зрятся быть самих небес подпорой.

В готском языке конструкция с Accusativus cum infinitivo отнюдь не являлась калькой с греческого, поскольку аналогичные конструкции широко

представлены еще в текстах на древнеисландском языке: Hausideduþ ina siukan. – Вы слышали, что он болен.

В английском языке Nominativus cum infinitivo: Ambassadors are said to be the eyes and ears of states. – Послов называют глазами и ушами государств. Accusativus cum infinitivo: I didn't want it to come out this way. – Я не хотел, чтобы так вышло.

Во французском языке Accusativus cum infinitivo: J'entends les oiseaux chanter. – Я слышу пение птиц. Nominativus cum infinitivo: Et les polars? Trois ministres seulement avouent s'y donner: [...]. – Что касается детективов, только три министра признаются, что читают их с удовольствием.

В русском языке различного рода дативные и дательно-винительные конструкции: Я купил краски детям рисовать. Он нашел, чем нас удивить. Это ему решать. Она принесла нам поесть. Не знаю, что мне делать. Мать разрешила детям погулять.

В эвенкийском языке различные падежи участвуют в склонении предложений: Би о-на-в орокон аяпчукан. – букв. Я сделал очень красивая игрушка. = Игрушка, (которую) я смастерил, очень красивая.

В испанском языке герундий и инфинитив с глаголами восприятия (ver, sentir, notar, oír), при этом разница между инфинитивом и герундием состоит в том, что инфинитив подразумевает законченное действие, а герундий – совершающееся: Ayer vi por primera vez cantar a Manuela en publico. – Вчера я видела в первый раз петь Мануэлу на публике. Lo vi entrando en el edificio. – Я увидел его, когда он входил в это здание.

В японском языке различные падежи участвуют в склонении предложений: Муси-но нэ амэ-но готоку нагаруру-о кикан. – Послушаем, [как] жужжанье насекомых струиться, точно дождь.

В литовском языке, как и в русском, привычной парой являются дательный падеж и именительный/ винительный: Man atsitiko vakar geras arklys pirkti. – букв. Мне случилось вчера хороший конь купить.

В немецком языке после глаголов чувственного восприятия sehen, hören, fühlen в обороте Accusativus cum infinitivo: Ich sah ihn kommen. – Я увидел, что он идет. Wir hörten dich singen. – Мы слышали, как ты пел.

В итальянском языке после глаголов чувственного восприятия в обороте Accusativus cum infinitivo: Lì sento gridare. – Я слышу, что они кричат. Non vedevo mai la mamma arrabiare. – Я никогда не видел, чтобы мама сердилась.

В армянском языке инфинитив называется неопределенным причастием, он принимает определенный артикль, склоняется и может выполнять в предложении все функции отглагольного существительного, что идеально способствует формированию конструкций с предикатными актантами и нефинитными клаузами: Нӓра гялу масин ес имаца айсор. – О его приезде я узнал сегодня.

Как видно из примеров, рассматриваемые нами инфинитивные предложения представляют собой компрессию двух соседствующих в тексте предложений (данного рода синтаксическая редукция является, по сути, проявлением закона языковой экономии). Компрессия становится возможной благодаря свертыванию одной предикативной единицы и осложнению другой. Свертывание предполагает использование глагола-сказуемого второго предложения в неличной форме, как правило, в форме инфинитива, масдара, отглагольных имен, причастий, реже деепричастий. А осложнение, в свою очередь, основано уже на валентностных свойствах матричного глагола-сказуемого, т.е. первого из двух соседствующих в тексте предложений. При этом валентности глагола заполняются не типичными и привычными для него именными группами, а целой клаузой. Такие клаузы в составе сложных и осложненных предложений именуются в современной синтаксической теории сентенциальными актантами. В действительности не так уж и редко актантная позиция может быть заполнена клаузой, т.е. предикативной единицей, которая, кстати, довольно часто может находиться в свернутом виде. Сравним, например, два варианта французского предложения *Он думал, что тоже стал жертвой сердечного приступа*: 1) в виде полной клаузы в составе сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным (дополнительным) – *Il croyait qu'il était aussi victime d'une crise cardiaque* и 2) в виде свернутой клаузы в составе осложненного предложения с инфинитивным комплексом – *Il croyait aussi être victime d'une crise cardiaque.*

Однако рассматривать данные конструкции в рамках общей теории конструкций с сентенциальными актантами (КСА) в одном ряду с придаточными изъяснительными [5] все же не представляется целесообразным в рамках нашего исследования, т.к. такой подход не позволяет учитывать ряд важных факторов, а именно: бессоюзный тип синтаксической связи, специфику неличных (нефинитных) форм глагола в каждом языке и особенности падежного маркирования конструкций с инфинитивными (нефинитными) комплексами. Данные факторы представляются крайне важными, потому как именно они и должны лечь в основу типологической классификации данных конструкций в различных языках мира.

Разноструктурность языков (номинативного, активного и эргативного строя), где данные синтаксические конструкции получили большее или меньшее распространение, а также временн***о***е и пространственное удаление языков (многие индоевропейские, уральские, алтайские, афразийские, синокавказские) наводят на мысль о едином, универсальном механизме, лежащем в основе их образования и позволяющем носителям языка строить и понимать предложения данного типа. В качестве такого универсального механизма мы предлагаем рассматривать категорию *предикативного склонения*. Сам термин был введен Е.И. Убрятовой в 1950 г. при описании

синтаксиса сложноподчиненных предложений тюркских языков, в частности якутского [8]. Чуть позже Н.И. Фельдман описала на его основе механизмы образования аналогичных конструкций в японском языке [7]. А в 80-е годы XX века термин *предикативное склонение* был использован коллективом ученых во главе с М.И. Черемисиной [8] для описания конструкций в алтайских языках. В нашем исследовании, в отличие от авторов концепции *предикативного склонения*, мы отходим от традиционной, узкой трактовки падежа как морфологического маркера, и вслед за Ч. Филлмором, видим в нем семантико-синтаксическую категорию, что и позволяет нам в итоге использовать термин *склонение* в отношении таких аналитических языков как английский или французский, где падеж как морфологическая категория отсутствует.

Важным является тот факт, что аффикс падежа, морфологически встроенный в словоформу имени или неличной формы глагола, или же любой другой показатель падежа словоформы функционально принадлежит всей «свернутой» предикативной единице. Кроме того, в агглютинативных языках, к примеру, как правило, вся падежная парадигма вовлечена в процесс построения инфинитивных и причастных предложений, включая локальную падежную подсистему. А во флективных языках отнюдь не все падежи принимают участие в построении таких оборотов. Выбор падежа, точнее пары падежей в том или ином языке будет специфичен для каждого из них и оказывается важной типологической характеристикой. Например, для английского и французского языков характерно использование так называемых Nominativus и Accusativus cum infinitivo, а для русского и в целом для балто-славянских – Dativus et Accusativus cum infinitivo. При этом использование падежей получает порой довольно необычные оценки и интерпретации. Некоторые из них выходят за рамки лингвистики. Так, известный лингвист-культуролог А. Вежбицкая пишет, что русская речь определяется не номинативно-субъектными высказываниями, как в западноевропейских языках, а «типичными для нее конструкциями с дательным падежом субъекта», в которых все «подается в пациентивном модусе» [2].

Но, во-первых, какая особая «пациентивность» усматривается, скажем, в русском предложении *Я принес вам книги почитать,* в сравнении, скажем, с французскими аналогичными синтаксическим конструкциями: *Je l'ai vu pleurer à chaudes larmes* ?

А во-вторых, говоря непосредственно о дативных конструкциях русского языка, хочется сразу отметить, что подобные конструкции не являются чем-то специфичным для русского языка. В английском и французском языках тоже существовали подобные конструкции, когда данные языки еще принадлежали к языкам синтетического строя. Ср.: *Me gomenep* (Мне приятно), *Me grullep* (Меня пугает), *Me list* (Мне хочется), *Me longs* (Мне очень хочется), *Me lusteth* (Я жажду, Мне жаждется), *Me marvels*

(Меня удивляет), *Me seems* (Мне кажется), *Me argh* (Мне страшно), *Me areowep* (Меня печалит), *Me angers* (Меня злит) и т.д. [4] Как видно, данные конструкции начинаются с дополнения, что абсолютно невозможно в современных аналитических языках, характерной чертой которых является жесткий порядок слов – *подлежащее-сказуемое-дополнение*. Как следствие данные конструкции исчезли во французском и английском языках, но остались в русском. Т.о., так называемая русская пациентивность и иррационализм здесь вовсе ни при чем. Более того, как отмечает Е.В. Зарецкий [4], английский язык столь же пациентивен, сколь и русский, с той лишь разницей, что пациентивность выражается в нем иначе, не безличными конструкциями с дативом, а пассивным залогом. Например, если мы возьмем исследуемые нами конструкции с инфинитивными комплексами: *He was seen to cross the river*. Важно понимать, что и дативное кодирование субъекта, распространенное в русском языке, и пациенс в приведенном английском предложении одинаково восходят к макророли актора. О прямой связи между обширной категорией пассива и малочисленности безличных конструкций писала в частности и М.М. Гухман: в языках с развитым употреблением страдательного залога роль конструкций с дательно-винительным лица сведена до минимума и, наоборот, при отсутствии развитого употребления страдательного залога, наблюдается продуктивность данной конструкции [3].

У А. Вежбицкой в книге «Язык. Культура. Познание» есть еще один постулат, касающийся отчасти и исследуемых нами конструкций: «Из европейских языков русский, по-видимому, дальше других продвинулся по феноменологическому пути. Синтаксически это проявляется в колоссальной (и все возрастающей) роли, которую играют в этом языке так называемые безличные предложения разных типов». [2] Но возникает два закономерных вопроса по данному высказыванию: Почему продвинулся? И почему собственно роль дативных конструкций возрастает? Ведь одной из особенностей русского языка является тот факт, что большинство дативных и дативоподобных конструкций легко могут быть трансформированы в конструкции с каноническим подлежащим, стоящим в именительном падеже. *Мама приготовила детям поесть.* ← *Мама приготовила что-то, что дети будут есть. Вам решать!* ← *Есть что-то, что вы должны будете решить.* Данный факт, однако, вовсе не дает оснований утверждать, что дативные конструкции были образованы от последних, как полагают помимо А. Вежбицкой и некоторые другие лингвисты, например, А.Б. Летучий [5]. Скорее, все как раз наоборот, учитывая, что номинативному строю современных русского, английского, французского и других западноевропейских языков когда-то предшествовал эргативный строй индоевропейского праязыка, на что указывали в своих работах такие выдающиеся лингвисты как К.К. Уленбек, М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсон, Г.А. Кли-

мов и др. М.М. Гухман в частности неоднократно высказывала предположение о том, что дативные конструкции индоевропейских языков генетически восходят к эргативным конструкциям [3]. А тот факт, что мы в русском языке продолжаем активно пользоваться такими конструкциями, объясняется, скорее всего, двумя простыми причинами: 1) географической удаленностью от языков Европы, русский язык не так активно смешивался с ними, поэтому он подвергся меньшей аналитизации; 2) окружением почти по всему периметру языками эргативного строя (финно-угорские, кавказские, алтайские). Кроме того, в самом русском языке дативные конструкции вовсе не однородны. Ср.: Мне больно. → У меня есть что-то, что болит. → Я имею боль где-то (= болезненные ощущения в руке, в ноге и пр.) и предложения *Мне скучно. → Я скучаю или Мне хочется → Я хочу,* которые являются вполне взаимозаменяемыми и равнозначными. Это скорее свидетельство плавного движения русского языка в сторону аналитизма и одновременно все большего удаления от его изначальной эргативности.

Таким образом, в своем анализе конструкций с инфинитивными (нефинитными) комплексами мы можем не только сопоставлять разные языки, но и проследить эволюцию данных конструкций, сопоставляя разные состояния в рамках одного языка. Кроме того, умение видеть и анализировать данные языковые явления в диахронии существенно дополнило бы их типологию важными лингвистическими деталями и не позволило бы впредь абсолютизировать «этническое поведение» до прямой экстраполяции каких бы то ни было качеств и черт национального характера на язык и его грамматику.

Библиографический список

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Берн: Франке, 1964. – 406 с.

2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

3. Гухман, М.М. Конструкции с дательно-винительным падежом лица в индоевропейских языках / М.М. Гухман // Известия Академии Наук Союза ССР. Отделение литературы и языка IV. – 1945. – № 3–4. – 154 с.

4. Зарецкий, Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками) / Е.В. Зарецкий. – Астрахань: Изд. «Астраханский университет», 2008. – 564 с.

5. Летучий, А.Б. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке / А.Б. Летучий // Вопросы языкознания. – 2012 – № 5. – С. 57–87.

6. Таривердиева, М.А. От латинской грамматики к латинским текстам (Латинское предложение: форма и смысл) / М.А. Таривердиева. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 176 с.

7. Фельдман, Н.И. О склонении предложений в современном японском языке / Н.И. Фельдман // Уч. записки ИВ АН СССР. – М.,1952. – Т. 4. – С. 230–277.

8. Черемисина, М.И. Предикативное склонение причастий в алтайских языках / М.И. Черемисина. – Новосибирск: Наука, 1984. – 190 с.

К содержанию